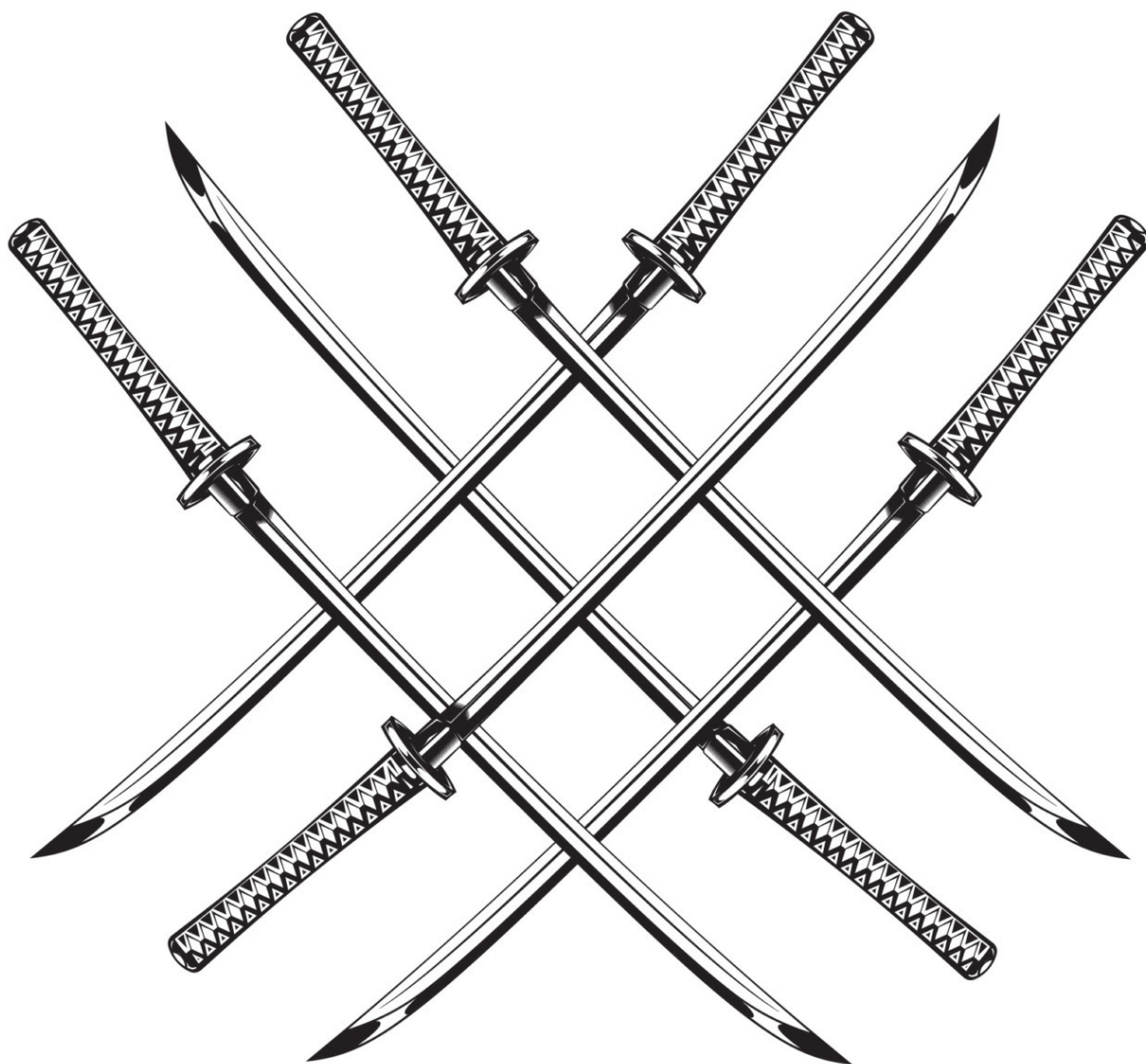

ЮКИО
МИСИМА

КНИГА САМУРАЯ

Издательство КоЛибри

Юкио Мисима
Книга самурая

«Азбука-Аттикус»

1967

УДК 13
ББК 87

Мисима Ю.

Книга самурая / Ю. Мисима — «Азбука-Аттикус», 1967

ISBN 978-5-389-20441-6

Юкио Мисима – самый знаменитый и читаемый в мире японский писатель. Прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота). «Книга самурая» – это размышления Мисимы о «Хагакурэ, или Сокрытом в листве» – трактате о кодексе чести самурая (бусидо), выдержанном в канонах дзен-буддизма, синтоизма и конфуцианства и составленном на основе бесед с самураем XVII века Дзётё Ямамото. Эти истории о боевой доблести и воинском долге, совести и ответственности, записанные одним из учеников Дзётё, – не сборник заповедей, а оригинальная методика познания мира и постижения мудрости. «Возможно, „Хагакурэ“ – изначально книга-парадокс, – пишет Мисима. – Во время войны она излучала свет, но среди белого дня он был не очень заметен, и лишь во мраке книга засияла по-настоящему. <...> Эта книга исповедует свободу. Эта книга взывает к жару сердец». Впервые публикуется в переводе с японского – предыдущие издания «Книги самурая» по-русски брали за основу английский перевод.

УДК 13
ББК 87

ISBN 978-5-389-20441-6

© Мисима Ю., 1967
© Азбука-Аттикус, 1967

Содержание

Пролог	7
1	11
2	17
«Хагакурэ» и ее автор, Дзётё Ямамото	17
«Хагакурэ»: три философии	21
1. Хвала энергии	23
2. Решимость	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юкио Мисима

Книга самурая

© С. И. Логачев, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

© Издательство Колибри

* * *

Пролог «Хагакурэ» и я

Спутники нашей молодости – друзья и книги. Друзья – это люди, они живые, и они все время меняются. То, что волновало когда-то, с годами остывает и уступает место новым друзьям и новым устремлениям. С книгами в каком-то смысле происходит то же самое. Бывает, книга, которая произвела глубокое впечатление и повлияла на человека в отрочестве, теряет яркость и притягательную силу, когда он перечитывает ее через несколько лет. От нее остается лишь мертвый остов. Но главное различие между друзьями и книгами в том, что друзья становятся другими, а с книгами ничего не происходит. Даже если книга провалялась в пыли на самой дальней полке, она сохранила свою душу и заложенные в ней идеи. Мы можем принимать или отвергать их, можем изменить книгу через наше к ней отношение, но большего сделать мы не в состоянии.

Мое отрочество и юность пришлось на военные годы. Из прочитанного тогда самое большое впечатление на меня произвел роман Реймона Радиге «Бал у графа д'Оржеля». Этот классический литературный шедевр поставил Радиге в один ряд с выдающимися французскими писателями, заслужившими место в Пантеоне. Художественная ценность этого произведения не вызывает сомнения, но тогда я едва ли был способен оценить его с точки зрения чистого искусства. Гений Радиге, ушедшего из жизни в двадцать лет, оставил нам этот шедевр, и я, имея все основания полагать, что, вероятно, погибну на войне в том же возрасте, накладывал на себя его образ. Можно сказать, что я стал считать Радиге своим оппонентом, а его роман – целью, к которой надо стремиться. С изменением моих литературных вкусов и под влиянием того, что неожиданно для себя я остался в живых и продолжал существовать в послевоенном мире, очарование книги Реймона Радиге в моих глазах соответственно рассеялось.

Еще одна книга, которую я носил с собой во время воздушных налетов, это «Сочинения Акинари Уэды»¹. Я и сейчас не знаю, почему в то время так прикипел к этому автору. Причина, видимо, в том, что я вынашивал в себе идеальный образ настоящей японской литературы, и Акинари² с его духом почитания прошлого, вступавшим в противоречие с современностью, и исключительным блеском его новелл, казавшихся мне сияющими кристаллами, тогда соответствовал складывавшемуся у меня образу. Уважение к Акинари Уэде и Радиге и сейчас никуда не делось, однако среди моих настольных книг их уже нет.

Лишь одна книга всегда со мной. «Хагакурэ» Дзётё Ямамото³. Я начал ее читать в военные годы, и с тех пор она лежит на моем столе. Это трактат, к которому я постоянно обращаюсь уже более двадцати лет, перечитываю отдельные места, и всякий раз он производит на меня сильное впечатление. Свет «Хагакурэ» особенно озарил меня после того, как окончилась война, во время которой трактат был необычайно популярен и изучение его считалось обязательным. Возможно, «Хагакурэ» – изначально книга-парадокс. Во время войны она излучала свет, но среди белого дня он был не очень заметен, и лишь во мраке книга засияла по-настоящему.

Вскоре после войны я написал свой первый роман. В то время вокруг меня бурлили разные течения новой жизни, новой литературы. Однако время, которое принято называть перио-

---

¹ Акинари Уэда (1734–1809) – знаменитый японский ученый и писатель, автор стихотворений и новелл. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Вопреки японской традиции, в которой принято называть людей по фамилиям, Мисима часто называет авторов, оказавших на него влияние, по именам, видимо, чтобы показать свою близость к ним.

³ Дзётё (Цунэтомо) Ямамото (1659–1719) – самурай из княжества Сага. Считается автором «Хагакурэ» («Записей о сокровище в листе») – трактата о кодексе самурайской этики.

дом «послевоенной литературы», не вызвало у меня отклика ни в концептуальном, ни в литературном плане. Энергия и жизненная сила людей, имевших идейные установки и литературную восприимчивость, которые отличались от моих, как буря проносились мимо, не задевая меня. Разумеется, я чувствовал, что одинок, и задавал себе вопрос: что вело меня по жизни все это время – во время войны и после того, как она кончилась? Не «Капитал» Маркса и не императорский рескрипт об образовании. Ориентиром должна была стать книга, которая могла послужить основой моей морали и в то же время целиком одобряла дерзания моей юности. Которая была бы прочной опорой моего одиночества и несовременных взглядов. Больше того, эта книга должна была находиться под запретом. «Хагакурэ» удовлетворяла всем этим требованиям. Она, как и многие другие книги, превозносимые в годы войны, стала считаться устаревшей и вредной; ее следовало обходить стороной и подвергнуть забвению. Книги складывали в стопки, связывали грубыми веревками и выбрасывали в мусорный ящик. И «Хагакурэ» впервые засияла по-настоящему во мраке нашего времени.

То, что я почувствовал, читая «Хагакурэ», стало обретать смысл в наше время. Эта книга исповедует свободу. Эта книга взывает к жару сердец. «Я постиг, что Путь воина – это смерть». У тех, кто знаком с «Хагакурэ» лишь по одной, самой известной строке, возникает образ зловещего фанатизма. В этой строке: «Я постиг, что Путь воина – это смерть» – заключен парадокс, символизирующий суть книги в целом. В этом я усматриваю главный источник исходящей из этой книги жизненной силы.

В первый раз я заявил о своей приверженности «Хагакурэ» после войны, в эссе «Каникулы писателя», опубликованном в 1955 году. Вот несколько выдержек из него:

«Я начал читать „Хагакурэ“ во время войны, иногда обращаюсь к ней и теперь. Это книга моральных установок, странная и не имеющая аналогов; ее парадоксальность – не парадоксальность цинизма, а парадоксальность, возникающая из несоответствия между пониманием правильного пути и решимостью приступить к действию. Как наполнена жизненной энергией эта книга, как она светла и человечна!

Человек, который, читая „Хагакурэ“, ориентируется на сложившиеся понятия, например феодальную мораль, вряд ли в состоянии в должной мере ощутить свежесть этой книги. Она дышит чувством свободы, которым жили люди в условиях строгой общественной морали. Эта мораль пронизывала все поры общественной и экономической жизни. Она служила главной предпосылкой существования общества, в котором всемерно превозносились энергия и страсть. Энергия – добро, вялость и апатия – зло. Удивительно мудрый взгляд на жизнь, такое отношение к ней раскрывается в „Хагакурэ“ без малейшего намека на цинизм. Это имеет эффект, диаметрально противоположный тому неприятному послевкусию, которое остается после чтения Ларошфуко.

Редко встретишь книгу, способную, руководствуясь критериями морали, до такой степени разбудить в человеке уважение к себе, как это делает „Хагакурэ“. Признавать и ценить энергию, отрицая самоуважение, невозможно. В этом нельзя зайти слишком далеко. Даже высокомерие – морально (впрочем, „Хагакурэ“ не ставит вопрос о высокомерии в абстрактном смысле слова).

„Самурай должен быть абсолютно уверен, что он самый доблестный воин во всей Японии“. „Самурай должен гордиться своей доблестью и быть преисполнен фанатичной решимости умереть“... Это праведное безумие. Нельзя заключить фанатизм в рамки рационального поведения.

Моральным принципом жизненных установок, исповедуемых „Хагакурэ“, является вера человека в целесообразность совершаемых действий. По поводу моды на то или иное Дзётё бесстрастно констатирует: „Важно поступать достойно в любое время“. Целесообразность – не более чем проявление презрительного отрицания изысканной утонченности с позиций этики. Человек должен быть *согэмоно*, то есть упрямым, оригинальным, не простым. „Отважные воины в боль-

шинстве своем исстари были согэмоно – обладали сильной волей и мужеством преодолевать слабость“.

Как и многие другие художественные произведения, рождавшиеся наперекор своей эпохе, записки Дзётё Ямамото появились на свет в противовес блеску и роскошеству, которые были доминировавшим трендом в периоды Гэнроку и Хозэй⁴.

Когда Дзётё говорит: „Я постиг, что Путь воина – это смерть“, он выражает свою утопическую идеологию, свое понимание свободы и счастья. Вот почему сейчас мы имеем возможность читать его книгу как сказание об идеальном государстве. Если бы такая страна возникла, я почти уверен, что люди в ней жили бы куда счастливее и свободнее, чем мы живем сейчас. Однако эта страна существовала только в мечтах Дзётё...

Автор „Хагакурэ“ открыл радикальное средство для лечения болезней общества. Предвидя раздвоение человеческого духа, он предупреждает, что это не принесет счастья: „Плохо, когда целое делится надвое“. Мы должны воскресить веру в простоту, воспевать ее. Дзётё не мог не признать правоту подлинной страсти, и потому ему были хорошо известны законы, которым подчиняется страсть...

Я не вижу большой разницы, какая смерть является финалом процесса закалки человека на его пути к совершенству: естественная или смерть в духе „Хагакурэ“ – от меча в бою или от *сэппуку*⁵. Человек дела никогда не будет пытаться менять или регулировать правило: люди должны смириться с тем, что все в жизни проходит. „В ситуации «или-или», когда стоит выбор между жизнью и смертью, быстро выбирай смерть“. „Хагакурэ“ лишь здраво отмечает, что в этом выборе самопожертвование в любом случае есть гарантированная добродетель. Ситуации „или-или“ возникают не часто. Примечательно, что Дзётё, рассуждая о предпочтительности „быстрой смерти“, не раскрывает критериев ситуации „или-или“, которая должна смерти предшествовать. Оценке ситуации, приводящей человека к решению принять смерть, предшествует длинная череда рассуждений, подготовка к принятию окончательного решения, предполагающие, что человеку действия приходится долго испытывать состояние напряжения и внутренней сосредоточенности. Мир человека действия – это окружность, замыкающаяся, когда добавляется одна последняя точка. Такая картина всегда у него перед глазами. Он раз за разом исключает круги, которым недостает такой точки, и оказывается перед новыми и новыми. В противоположность этому мир художника, писателя или философа представляет собой конструкцию из расширяющихся концентрических окружностей, в центре которых находится он сам. Но когда в конце концов приходит смерть, у кого чувство самореализации окажется сильнее – у художника или человека действия? Как мне представляется, смерть, в несколько мгновений подводящая черту под жизнью после того, как круг замкнулся, создает гораздо более мощное ощущение достойного завершения жизненного пути.

Наибольшее несчастье для человека действия – если он не умер, когда круг замкнулся. Ёити Насу жил еще долго после того, как попал стрелой в веер⁶. В учении „Хагакурэ“ о смерти подчеркивается, что счастье человека действия важнее результата его усилий. Сам Дзётё, мечтавший о таком счастье, в возрасте сорока двух лет хотел последовать в мир иной за своим умершим хозяином Мицусигэ Набэсимой, однако этому помешал приказ самого Набэсимы, запрещавший вассалам совершать ритуальные самоубийства после его смерти. Дзётё обрил голову и стал буддийским монахом. Умер своей смертью в шестьдесят один год, оставив миру „Хагакурэ кикигаки“ („Записи о сокрытом в листве“) – сокращенно „Хагакурэ“».

⁴ Периоды истории Японии, охватывающие 1688–1711 гг. и характеризующиеся расцветом культуры.

⁵ *Сэппуку* – ритуальное самоубийство методом вспарывания живота. То же, что хакакири.

⁶ *Ёити Насу* (1169? – 1232?) – японский полководец, большой мастер стрельбы из лука. Фигурирует в японском средневековом романе «Повесть о доме Тайра». Во время одного из сражений на полном скаку послал стрелу в самую середину золотого круга солнца, нарисованного на веере, который был закреплен на планшире неприятельского корабля.

За прошедшие годы мое восприятие «Хагакурэ» мало изменилось. Хотя, пожалуй, будет правильнее сказать, что, когда я работал над своими комментариями, «Хагакурэ» впервые обрела в моем сознании четкую форму, и я посвятил этой книге свои дерзания, пыл своего сердца, стал жить по ее принципам. Иными словами, «Хагакурэ» все больше и больше завоевывала мое сердце. В то же время, занявшись «легким жанром», резко осуждаемым автором «Хагакурэ», я часто страдал из-за внутреннего конфликта между этическими нормами поведения и искусством. Меня долго мучили сомнения: не прячу ли я свое малодушие за литературным трудом? По правде говоря, приверженности принципу *бумпу рёдо*⁷ я обязан влиянию «Хагакурэ». И, ясно отдавая себе отчет в том, что нет более трудного пути, чем бумпу рёдо, я все-таки решил, что ничто другое не может служить оправданием моей деятельности на уровне искусства. Это мне стало понятно тоже благодаря «Хагакурэ».

При этом я считаю, что искусство, уютно устроившееся внутри самого себя, обречено на увядание и смерть. Я не сторонник принципа «искусство ради искусства». Ведь если искусству ничто не угрожает и не оказывает на него стимулирующего влияния, действуя извне, оно быстро сходит на нет. Литература и искусство берут материал из жизни. Жизнь – это и мать, и заклятый враг; она таится в самом писателе или художнике и одновременно представляет собой извечную антитезу искусства. Я быстро разглядел в «Хагакурэ» философию жизни и ощутил, что прекрасный и чистый мир, открывающийся в этой книге, способен взбаламутить болото, которым, в моем представлении, являлся мир литературы. Для меня смысл «Хагакурэ» заключается в том, что она открыла мне этот мир, и хотя влияние «Хагакурэ» чрезвычайно осложнило мое существование как художника, эта книга стала чревом, из которого появляются мои литературные труды, вечным источником жизненной силы. Она неустанно подстегивает, подает команды, порицает. Это позволяет ей красота. Красота холодного льда.

---

⁷ *Бумпу рёдо* (дословно: «оба пути – литература и военное искусство») – идеологическая доктрина, получившая постепенное распространение в Японии после прекращения междоусобных войн и объединения страны усилиями сёгунов (военных правителей) клана Токугава. Этот принцип требовал от самурая совершенствования в литературе и науках, с одной стороны, и в военных искусствах, с другой.

1

«Хагакурэ» продолжает жить

В течение первых двадцати послевоенных лет происходила трансформация Японии точно по сценарию, предсказанному в «Хагакурэ». Не стало самураев, нет войны, экономика возрождается, кругом все спокойно, и молодежь заскучала. Как я уже говорил, «Хагакурэ», по сути, книга парадоксов. Когда «Хагакурэ» говорит о чем-то: «Это черное», сзади обязательно раздастся голос: «Это белое». «Хагакурэ» объявляет: «Цветок красный», общественное мнение твердит: «Цветок белый». «Хагакурэ» заявляет: «Не следует делать этого», но оказывается, что все это уже делают. Если подумать, получается, что сейчас за этой суровой и аскетичной книгой лежат социальные условия, которые противоречат ее содержанию. Такие условия есть традиционная реакция японцев на мирное, спокойное существование.

Вот простой пример этого феномена. Далеко не впервые мужская мода переживает такой расцвет, что затмевает женскую. Современная молодежь без ума от нарядов Кардена. В истории Японии такое уже бывало. В период Гэнроку сердца людей завоевала мода на роскошь, изящество и вычурность, распространившаяся не только на одежду, но даже на клинки и рукояти мечей и кинжалов. Одного взгляда на красочную жанровую живопись Моронобу Хисикавы⁸ достаточно, чтобы представить пышное величие того времени, на которое повлияла роскошная городская культура.

Сегодня, если вы заглянете в какое-нибудь джаз-кафе и поговорите с молодежью, то поймете, что их волнует только внешний вид – как одеться по моде. Как-то раз я зашел в кафе, где звучал современный джаз, и сидевший рядом паренек учинил мне настоящий допрос: «Вы эти туфли на заказ делали? Где же? А запонки? Где вы такие купили? Материал для костюма где брали? В каком ателье шили?» Вопросы сыпались как из рога изобилия. Его товарищ остановил юнца: «Ну что ты, как нищий, лезешь со своими вопросами? Сиди тихо, смотри, как человек одет, перенимай идею». На что первый ответил: «Так честнее: поспрашивать человека, поучиться, как надо одеваться».

«Учиться» для этих ребят – значит узнать, как преподнести себя в лучшем виде, постичь секреты моды. Аналогичный пример можно найти и в «Хагакурэ»: «За последние тридцать лет нравы в обществе изменились. Теперь молодые самураи собираются, чтобы поговорить о деньгах, прибылях и убытках, секретничают, обсуждают наряды, любовные похождения. Других причин встречаться у них нет. Вот какие нравы настали».

В наше время много говорят о феминизации японских мужчин. Кто-то утверждает, что это происходит под влиянием американской демократии и установок типа «Ladies first!». Однако началось все это не сейчас. Когда правительство Токугава, избавившись от грубых мужских нравов, царивших в японском обществе в эпоху воюющих провинций⁹, закрепило у власти и добилось стабилизации, тут же начался процесс феминизации мужчин. Проследить за ним можно по гравюрам мастера укиё-э XVIII века Харунобу Судзуки¹⁰. Мы видим прижимающуюся друг к другу парочку, сидящую на краю веранды и любующуюся на цветущую сливу. Прическами, стилем и покроем одежды, выражением лиц влюбленные так похожи, что невозможно отличить мужчину от женщины. Когда создавалась «Хагакурэ», эта тенденция уже началась. Обратимся к пропитанному едкой иронией пассажу, которому автор предпослал заголовок «Женский пульс»:

⁸ *Моронобу Хисикава* (1618–1694) – японский художник и гравер, один из крупнейших представителей стиля укиё-э.

⁹ Период междоусобных войн, продолжавшихся в Японии со второй половины XV до начала XVI в.

¹⁰ *Харунобу Судзуки* (1724–1770) – японский художник, один из ведущих представителей живописи укиё-э, первооткрыватель цветной гравюры.

«Я слышал от одного человека, что лекарь Мацугамасаки-но Кёан как-то рассказывал: „Медицина по-разному относится к лечению мужчин и женщин, исходя из принципов *инь* и *ян*. Пульс у мужчин и женщин тоже отличается. Однако за последние пятьдесят лет частота пульса у них сравнялась. Заметив это, я решил испытать для лечения глазных болезней мужчин метод, который применяю к женщинам, потому что предназначенное для мужчин лечение перестало действовать. Похоже, мир движется к концу – мужское дерево чахнет, мужчины становятся женоподобными. Таковы плоды моих наблюдений, которые я хранил в секрете“. После этого рассказа я стал замечать, как много вокруг мужчин с женским пульсом. Мало стало таких, о ком можно подуматъ: „Вот это настоящий мужчина“...»

Подобно тому как в наши дни возник целый слой иждивенцев-аристократов, наслаждающихся жизнью за счет представительских расходов, ответственность за появление которых наполовину лежит на нынешней налоговой системе, во времена Дзётё уже появилось довольно много самураев, не видевших разницы между собственными деньгами и деньгами своего господина. Тогда не существовало фирм и компаний, где можно было работать, и молодые самураи являлись членами того или иного клана, вассалами даймё¹¹. Забыв о том, что их цель – самоотверженное служение идеалам своего клана, эти люди пришли к тому, что стали думать только о собственных интересах. Идеалы померкли в поле зрения молодежи, ее внимание сосредоточилось на малозначительных пустяках. В итоге расплодилось большое количество меркантильных молодых людей с «вороватым выражением карманников» на лицах.

«Глядя на нынешних служилых людей, удивляешься, до чего низки и мелки их стремления. В глазах застыло вороватое выражение карманников. Большинство из них печется только о собственной корысти, лезет из кожи вон, чтобы казаться умными, и даже те, кто смотрит смело, лишь напускают на себя такой вид.

Если человек не готов посвятить всего себя своему господину, умереть за него не задумываясь и оставаться с ним даже после смерти, если он всем сердцем не заботится о его благосостоянии и не обращает постоянное внимание на укрепление клана, его нельзя считать настоящим самураем на службе повелителя...»

Автор «Хагакурэ», не стесняясь в выражениях, осуждает людей, преуспевших в искусствах, и говорит о том, что в его век возникла тенденция превозносить таких личностей до небес.

Сейчас идолов делают из звезд бейсбола и телевидения. Обладатели талантов, с помощью которых они могут очаровывать людей, утрачивают индивидуальность и превращаются в своего рода искусных марионеток. Тенденция отражает идеалы нашего времени. В этом смысле люди искусства и шоу-бизнеса не отличаются от технических специалистов.

Наше время – это век технократии и одновременно век шоу-бизнеса. Люди, преуспевшие в каком-либо жанре, срывают аплодисменты публики. Они стараются выглядеть максимально эффектно, напускают на себя важный вид, однако забывают об образе человека как единого целого. Их жизненные амбиции сводятся к какой-то одной функции, роли зубчика в шестеренке. В свете этого явления от презрения, с которым относится к людям искусства автор «Хагакурэ», становится легче на душе:

«Утверждение, что искусства помогают человеку, подходит только для самураев других провинций. Для самураев клана Набэсима искусство разрушительно. Искусствами под стать заниматься людям искусства, а не самураям...»

«Если от того, умрешь ты или останешься жить, ничего не изменится, лучше остаться жить». Конечно, такие взгляды существовали, в том числе во времена «Хагакурэ». Когда стоит выбор между жизнью и смертью, инстинкт самосохранения обычно заставляет человека выбирать жизнь. Но надо понимать, что, когда человек пытается жить красиво и умереть красиво,

---

¹¹ Даймё – крупные феодалы в средневековой Японии.

его привязанность к жизни всегда предаёт эту красоту. Жить и умереть красиво трудно, но так же трудно жить и умереть неприглядно, ни в чем не отступая от выбранного пути. Такова участь человека.

В наше время получила распространение тенденция смешивать одно с другим: человек, стремящийся жить красиво и так же умереть, вдруг выбирает неприглядную смерть, а тот, кто хотел жить и умереть безобразно, ищет в жизни красоту. По проблеме отношения к жизни и смерти «Хагакурэ» выносит свой замечательный вердикт. Вот эта самая известная строка: «Я постиг, что Путь воина – это смерть». И Дзётё продолжает: «В ситуации „или-или“, когда стоит выбор между жизнью и смертью, быстро выбирай смерть. Доводов в пользу другого выбора не существует. Надо исполниться решимости и действовать».

«Хагакурэ» – это и трактат о любви. По мнению Бунсо Хасикавы¹², эта книга, возможно, единственное произведение японской классической литературы, в которой логически рассматривается это проявление человеческого духа. По «Хагакурэ», самая высокая любовь – любовь тайная. Когда чувства не скрывают – это любовь низкого сорта. Настоящая любовь должна быть недоступна для чужих глаз.

Любовь по-американски – любовь напоказ, с ухаживаниями и уговорами. Энергия такой любви излучается не внутрь, а вовне. Однако, как это ни парадоксально, любовный трепет, выйдя наружу, тут же рассеивается. У современных молодых людей такие богатые возможности для романтических и сексуальных отношений, которые в прежние времена и не снились. Но в то же самое время в душах молодежи скрывается гибель этой самой любви. Если родившаяся в сердце любовь идет к цели, никуда не сворачивая, и по достижении ее тут же умирает, и этот процесс повторяется раз за разом, совершенно очевидно, что это оборачивается потерей способности любить и исчерпанием страсти, о чем часто приходится слышать в наши дни. Можно сказать, что молодежь, когда дело касается любви, больше всего страдает от этого противоречия.

В предвоенные годы молодежь умела провести грань между любовью и сексуальным влечением и нормально с этим жила. В университете старшекурсники водили младших в бордели, и они там учились удовлетворять свои сексуальные желания, а к девушкам, в которых были влюблены, боялись прикоснуться.

Таким образом, любовь в довоенной Японии, с одной стороны, основывалась на жертве в форме проституции, а с другой стороны, поддерживала старую пуританскую традицию любви. Если мы принимаем существование любви, надо также признать, что мужчинам требуются жертвенные объекты, с которыми в специально отведенных местах они могли бы удовлетворять свои плотские желания. Настоящая любовь не может существовать без такого рода отдушины. В этом трагическая «вина» мужской физиологии.

Истинная любовь, в понимании «Хагакурэ», не может быть направлена на сохранение альянса двух людей, в котором роли распределены и участники, руководствуясь прагматическими соображениями, приспособляются друг к другу. Истинная любовь черпает свою силу в смерти. За любовь надо умереть, смерть добавляет любви волнения, очищает ее. Вот какой автору «Хагакурэ» представляется идеальная любовь.

Как следует из вышесказанного, «Хагакурэ» – это попытка исцелить застойный характер нашей эпохи с помощью лекарства, название которого – смерть. В эпоху воюющих провинций этим лекарством сильно злоупотребляли, оно превратилось в часть повседневности, но с наступлением мира его стали бояться, считая чересчур радикальным. Дзётё Ямамото обнаружил, что именно это сильнодействующее лекарство позволяет эффективно исцелять страждущие души. Великолепный знаток жизни, автор понимал, что человек не живет только своей

---

¹² Бунсо Хасикава (1922–1983) – японский историк политических и идеологических течений, критик и писатель.

жизнью. Он знал, какой парадокс несет в себе свобода. Обретя ее, человек тут же начинает тяготиться ею, а получив в дар жизнь, сразу перестает ее ценить.

Мы живем во времена, когда предпосылкой всего является желание продлить свою жизнь как можно дольше. Такой средней продолжительности жизни, как сейчас, в истории еще не было, и перед нами разворачивается картина ожидающего нас на жизненном пути однообразия. Молодежь изо всех сил старается обзавестись собственным жильем, «своим гнездышком». После этого выясняется, что впереди ничего нет. Остается лишь пересчитывать на банковском счете деньги – пособие, полученное при выходе на пенсию, и тихо доживать оставшиеся годы, ведь работать у человека уже нет возможности. Такой образ жизни, получивший распространение в странах с развитой системой социального обеспечения, угрожает душевному состоянию людей. В скандинавских странах дошло до того, что уже можно не работать, беспокоиться, как жить в старости, нужды нет. Общество насильно отправляет людей на «отдых», отчего их охватывает скука и разочарование в жизни. Отсюда ненормальное число самоубийств среди стариков. В Англии, где после войны достигнут идеальный уровень социального обеспечения, у населения теряется стимул к труду, и как следствие мы наблюдаем упадок промышленности.

Рассуждая о том, в каком направлении должно развиваться современное общество, одни видят идеал в социализме, другие ратуют за социальное государство, хотя на деле это одно и то же. Избыток свободы в социальных странах ведет к апатии и усталости в обществе; что уж говорить о социалистических странах, где свобода подавляется. Люди в душе, с одной стороны, поддерживают масштабный социальный проект и движутся к нему шаг за шагом, но как только достигнут этого идеала, им тут же становится скучно. С другой стороны, у каждого человека глубоко в подсознании скрываются слепые импульсы. Они представляют собой динамические проявления противоречий, которыми полна жизнь человека и которые возникают постоянно, что, по сути, не имеет ничего общего с социальными идеалами, связанными с будущим. У молодежи эти проявления выражаются в наиболее откровенной и острой форме. Слепые импульсы вступают в драматические противоречия друг с другом, враждуют между собой. В молодых людях одновременно живут два импульса – сопротивления и подчинения. Можно найти им другое определение – импульс быть свободным и импульс умереть. Эти импульсы, какую бы политическую форму они ни обретали, подобны разряду электрического тока, возникающего из разницы потенциалов, – иными словами, из фундаментальных противоречий человеческого бытия.

Во время войны импульс смерти был высвобожден на сто процентов, зато импульсы к сопротивлению, свободе и вообще к жизни полностью подавлены. После все изменилось с точностью до наоборот: импульсы сопротивления, свободы и жизни реализовались на сто процентов, в то время как импульсы подчинения и смерти проявить себя не в состоянии. Лет десять назад, беседуя с одним политиком консервативного толка, я сказал, что политика послевоенного периода принесла Японии экономическое процветание, благодаря которому, возможно, удалось удовлетворить импульс молодого поколения к жизни. Об импульсе смерти в той беседе я не упомянул. Но, встречаясь с ним в другой раз, я объяснил, что мы живем под постоянной угрозой того, что подавленный в нынешней молодежи импульс смерти может в той или иной форме взорваться.

Я считаю, что борьба против японо-американского договора безопасности¹³ стала одним из проявлений резкой разницы электрических потенциалов. Эта борьба – весьма сложное явление в политическом отношении, а участвовавшая в ней молодежь всего лишь искала дело, за которое можно пожертвовать собой. Она вовсе не была движима идеологией, и уж конечно, ее

---

¹³ Действующий поныне двусторонний договор (подписан в 1951 г.), закрепивший присутствие американских войск на территории Японии. В 1960 г. договор был продлен, несмотря на массовые протесты в Японии, в которых ведущую роль играли социалисты, коммунисты и «новые левые».

действия не основывались на внимательном изучении статей договора. Она стремилась одновременно удовлетворить внутри себя противоречащие друг другу импульсы – сопротивления и смерти.

Но еще хуже было то, что наступило после того, как выступления против договора безопасности закончились неудачей. Эти события показали их участникам, что политическое движение, которому они отдались целиком и без остатка, оказалось своего рода фантазией, что смерть не выходит за пределы реальности, что результаты политической деятельности не приносят удовлетворения, что вся их энергия была потрачена впустую. Современной японской молодежи в очередной раз был вынесен приговор: «У вас нет такой цели, за которую можно умереть».

Как отмечал Тойнби, причина, по которой христианство получило такое быстрое и широкое распространение в Римской империи, заключалась в том, что у людей было страстное желание видеть перед собой цель, достойную того, чтобы умереть за нее. В период *Pax Romana* почти на всей территории империи, охватывавшей Европу и часть Азии, надолго воцарилось спокойствие. Избежать апатии, в которую погрузилось в это время общество, смогли лишь гарнизоны, дислоцированные на границах империи. Только эти люди видели перед собой цель, за которую можно было умереть.

«Хагакурэ» основывается на заповедях самураев. Смерть – это профессия, предназначение самурая. Какой бы мирной ни оказалась эпоха, в которой довелось жить самураю, смерть – высшая мотивация его поведения, и если самурай боится смерти, избегает ее, он перестает быть самураем. Именно поэтому Дзётё Ямамото придает такое значение смерти как главному принципу поведения. Однако в современной Японии, живущей по конституции, которая отрицает войну, люди, считающие целью своей профессии смерть, включая Силы самообороны¹⁴, не могут существовать в принципе. Во главу угла человеческого существования в эпоху демократии ставится продолжительность жизни.

Соответственно при оценке «Хагакурэ» естественный вопрос – кем является читатель, самураем он или нет. Если человек, читая «Хагакурэ», способен преодолеть фундаментальное различие в подходах между временем, когда создавалась эта книга, и современностью, ему откроется человеческая природа, понимание вещей, применимое к сложным отношениям между людьми даже в наше время. А если быстро и бегло пробежаться по ее страницам (волнующим, живым, страстным и в то же время необыкновенно острым, тонким, парадоксальным, свежим), человек в итоге снова наткнется на то самое фундаментальное различие.

Когда читатель преодолевает разрыв между эпохами, книга находит отклик в его душе, но в конечном итоге его снова отбрасывает к тому же неразрешимому противоречию. Этим и интересна «Хагакурэ».

В чем же состоит эта разница, о которой мы все время говорим? Чтобы ответить на этот вопрос, выйдем за рамки классовых различий, различий в профессиональных занятиях и условий, в которых живут люди в ту или иную эпоху, и вернемся к фундаментальной проблеме – проблеме жизни и смерти, с которой мы вынуждены сталкиваться каждый день. В современном обществе люди все время забывают о том, какое значение и смысл имеет смерть. Точнее, не забывают, а избегают этой темы. Райнер Мария Рильке однажды сказал, что смерть измельчала. Смерть человека превратилась в нечто малозначимое, вроде кончины на жесткой больничной койке, после которой требуется как можно скорее произвести уборку. Вокруг нас идет непрерывная «транспортная война», которая, как говорят, уносит больше жизней, чем унесла Японо-китайская война¹⁵, и жизнь человеческая сейчас так же преходяща и хрупка, как и была

¹⁴ Современное название вооруженных сил Японии, которые были созданы в 1954 г.

¹⁵ Мисима имеет в виду войну 1894–1895 гг., а не войну Японии против Китая, которая продолжалась с 1937 г. по 1945 г. и унесла миллионы жизней.

всегда. Однако думать о смерти мы не хотим. Сама мысль о ней нам неприятна. Мы не хотим брать у смерти выгодные для нас элементы, чтобы заставить их работать в нашу пользу. Мы всегда стараемся направить взгляд на светлые, обращенные вперед цели, на ориентиры жизни. И делаем все возможное, чтобы не замечать того, что смерть медленно, шаг за шагом, подтачивает и разрушает наши жизни. Такой подход отражает происходящий в нас процесс, в котором рационалистический гуманизм выполняет определенную функцию – настойчиво и последовательно переводит наш взгляд на светлые идеалы свободы и прогресса, стирать проблему смерти из нашего сознания и загонять ее все дальше в мрачные глубины подсознательного, в результате чего всячески подавляемый импульс смерти приобретает более опасные, скрытые формы, грозящие взрывом. Мы игнорируем тот факт, что присутствие смерти в нашем сознании является важным элементом душевного здоровья.

Все меняется, неизменной остается лишь смерть. Она существует – так было во времена «Хагакурэ», так есть и сейчас – и является регулятором жизни человека. В этом смысле в смерти, о которой пишет Дзётё, нет ничего особенного. «Хагакурэ» утверждает: каждый день думая о смерти, человек сосредоточивается на жизни. Когда мы выполняем работу с мыслью, что сегодня можем умереть, нельзя не признать, что работа вдруг наполняется жизнью и светом.

Мне кажется, «Хагакурэ» дает нам шанс пересмотреть наши взгляды на жизнь и смерть после двадцати лет послевоенного спокойствия.

2

Сорок восемь главных принципов «Хагакурэ»

«Хагакурэ» и ее автор, Дзётё Ямамото

Трактат, известный нам как «Хагакурэ», изначально имел название «Хагакурэ кикигаки» («Записи о сокрытом в листе»), которое было сокращено до одного слова – «Хагакурэ». Под таким названием самурай Цурамото Тасиро¹⁶ собрал в одной книге записанные им мысли и поучения Дзётё Ямамото. По поводу смысла и значения слова «хагакурэ»¹⁷ споры ведутся уже много лет, но общее мнение по этому вопросу так и не сложилось.

Согласно одной из версий, такое название было позаимствовано у Сайгё¹⁸ в одном из его стихотворений из сборника «Санка вакасю» («Горная хижина»):

В дрожащих лепестках,
среди листы сокрытых,
Я чувствую ту,
О ком втайне мечтаю.

По другой версии, такое название отражает то, что «Хагакурэ», по сути, трактат о самопожертвовании, о службе самурая своему господину, которую он искони несет в тени, не мечтая прославиться, и она была наговорена и записана в убежище Дзётё – в уединенной хижине, прятанной в листе.

Третья версия предполагает, что возле хижины, где жил Дзётё, росла хурма, дававшая столько плодов, что ее называли «хагакуси» – «дерево, скрывающее листья». Отсюда якобы и произошло название «Хагакурэ».

Есть и четвертый вариант. В замке Сага, в период правления клана Токугава принадлежавшем даймё Набэсима, росло много деревьев, из-за чего его якобы прозвали «хагакурэдзё» – «замком, сокрытым в листе», а служивших клану Набэсима самураев – «самураями, сокрытыми в листе». Отсюда и название книги. В замке по краям вырытого вдоль стен рва в самом деле разрослись большие деревья, и зелень окружала его со всех сторон, однако, по свидетельствам местных жителей, замок Сага никогда так не называли. Так что эта версия – не более чем предположение.

Изначально «Записи о сокрытом в листе» были записью бесед, которые вел с Дзётё Цурамото Тасиро. В тринадцатом году периода Гэнроку (1700 г. по западному календарю) самурай княжества Сага¹⁹ Дзётё Ямамото после смерти своего повелителя Мицусигэ Набэсимы (второго даймё княжества Сага) принял монашество, построил себе хижину и стал жить отшельником в местечке Куроцутибару. Десять лет спустя, весной седьмого года периода Хоэй (1710 г.), молодой самурай клана Сага по имени Цурамото Тасиро навестил Дзётё и стал записывать их разговоры. Семь лет Тасиро собирал и систематизировал то, что говорил ему Дзётё. Получилось одиннадцать книг, которые были названы «Записи о сокрытом в листе». Дзётё приказал бросить их в огонь, но Цурамото Тасиро не подчинился приказу и тайком сохранил

---

¹⁶ Цурамото Матадзаэмон Тасиро (1678–?) – самурай, который на основе бесед с Дзётё Ямамото составил трактат «Хагакурэ».

¹⁷ В литературном переводе – «сокрытое в листе».

¹⁸ Сайгё (наст. имя Норикиё Сато; 1118–1190) – выдающийся японский поэт, один из наиболее известных создателей танка.

¹⁹ Феодалное княжество, располагавшееся в северо-западной части о. Кюсю.

их. Очень скоро его труд разошелся в копиях среди самураев княжества Сага. Записи получили такую высокую оценку, что их стали называть «Книгой Набэсима».

«Хагакурэ» – не просто какие-то случайные записи, но серьезный труд, на составление и редактирование которого было потрачено много сил. Книга имеет следующую структуру:

- книга первая («Записи», часть первая) и книга вторая («Записи», часть вторая) – наставления самого Дзётё Ямамото;
- книги третья, четвертая и пятая – высказывания и дела Наосигэ Набэсима²⁰, Кацусигэ Набэсима²¹, Мицусигэ Набэсима²² и Цунасиэ Набэсима²³;
- книги с шестой по девятую описывают княжество Сага, высказывания и дела его самураев;
- книга десятая – высказывания и дела самураев других княжеств;
- книга одиннадцатая – дополнения к книгам с первой по десятую.

Таким образом, ядро «Хагакурэ» составляют первая и вторая книги, содержащие поучения самого Дзётё, в которых живет суть его философии. Порядок бесед в первых двух книгах не обязательно строго хронологический. Начались они «в седьмой год эры Хоэй, пятого дня третьего месяца». Это тот памятный день, когда Цурамото Матадзаэмон Тасиро впервые появился в хижине Дзётё и начались их беседы.

Дзётё состоял на службе у Мицусигэ Набэсима, второго наследственного правителя княжества Сага, и входил в число его приближенных с самого детства до сорока двух лет. Его предки верно служили клану Набэсима поколение за поколением, сам Дзётё тоже пользовался полным доверием своего покровителя. Были все основания ожидать, что по достижении пятидесяти лет его объявят главным вассалом даймё и он станет влиятельным лицом в управлении княжеством, однако на сорок втором году жизни Дзётё его покровитель умер и этим амбициям не суждено было сбыться. Дзётё был полон решимости покончить с собой в знак верности умершему правителю. Однако Мицусигэ был человеком, опережавшим свое время. Он категорически запретил ритуальные самоубийства в своих владениях и издал указ, по которому человек, покончивший с собой, навлекал бесчестие на свою семью. В то время честь семьи ставилась выше чести отдельной личности, поэтому Дзётё отказался от самоубийства, отошел от мира и стал жить в монашестве отшельником. Так он провел двадцать лет до самой смерти в десятый день десятого месяца четвертого года периода Кёхо²⁴ (1719 г.). Ему был шестьдесят один год.

Беседы с Дзётё, итогом которых стали «Записи о сокрытом в листве», начались, когда Дзётё было пятьдесят два года, и завершились спустя семь лет – в десятый день девятого месяца первого года Кёхо (1716 г.). Это сочинение весьма напоминает «Разговоры с Гёте» Иоганна Эккермана – у составителя «Хагакурэ» мы видим ту же остроту восприятия и литературное дарование, что у Эккермана.

Цурамото Матадзаэмон Тасиро служил писцом. Во время первой встречи с Дзётё он был уже зрелым человеком тридцати двух – тридцати трех лет, на двадцать лет моложе своего собеседника. Как уже говорилось выше, период Гэнроку-Хоэй был ознаменован наступлением своего рода ренессанса, который наряду с конфуцианством, боевыми искусствами и кодексом самурайской этики был отмечен такими явлениями, как поэзия Басё²⁵, драматургия

---

²⁰ *Наосигэ Набэсима* (1537–1619) – японский военный деятель и даймё, получивший во владение княжество Сага во время войн за объединение Японии.

²¹ *Кацусигэ Набэсима* (1580–1657) – старший сын и наследник Наосигэ Набэсима, первый правитель Сага.

²² *Мицусигэ Набэсима* (1632–1700) – внук Кацусигэ Набэсима, второй правитель Сага. Прославился указом о запрещении традиционного самоубийства в знак верности, которое совершали самураи после смерти правителя.

²³ *Цунасиэ Набэсима* (1652–1707) – старший сын Мицусигэ Набэсима, третий правитель Сага.

²⁴ Период правления императоров Накамикадо и Сакурамати (1716–1736).

²⁵ *Мацуо Басё* (1644–1694) – выдающийся японский поэт, сыгравший большую роль в становлении поэтического жанра

Тикамацу²⁶, новеллы Сайкаку²⁷. После «перемирия Гэнна»²⁸ прошло уже около восьмидесяти лет. Не только горожане – купцы и обыватели, но даже самураи искали удовольствие в увеселениях; воинственный дух, культ силы и отваги, присущие эпохе воюющих провинций, пришли в упадок, а рассуждения о самурайской этике, конфуцианстве и боевых искусствах вырождались в пустой идеализм. Автор «Хагакурэ» Дзётё Дзинъэмон Ямамото появился на свет одиннадцатого дня шестого месяца второго года эры Мандзи²⁹ (1659 г.) в княжестве Сага, в городе Кататаэ, на улице Ёко-кодзи и умер, как говорилось выше, десятого дня десятого месяца четвертого года эры Кёхо (1719 г.) в возрасте шестидесяти одного года. Из его биографии следует, что у Дзётё было два брата и четыре сестры, он был самым младшим в семье отца – Сигэдзуми Дзинъэмона Ямамото. Отец был вторым сыном Киёаки Дзинъэмона Накано и был принят в семью Мунэхару Сукэбэя Ямамото. Имя Дзинъэмон мужчины рода Ямамото получили по велению даймё. Киёаки Накано стал первым его носителем, Сигэдзуми Ямамото – вторым и Дзётё – третьим. Этих трех самураев называли тремя поколениями Накано.

В одиннадцать лет Дзётё лишился отца и получил образование под покровительством племянника, Цунэхару Городзаэмона Ямамото, который был на двадцать лет старше. Он изучал конфуцианство и буддизм под началом Иттэя Исиды³⁰ и настоятеля храма Кодэндзи – фамильного храма клана Набэсима – Таннэна. Однако Дзётё не мог полностью посвятить себя учению, поскольку с малых лет числился среди ближайших приближенных правителя княжества. Наставления Таннэна произвели глубокое впечатление на Дзётё, который под влиянием своего учителя после ухода из мирской жизни постиг таинства дзен-буддизма.

Дзётё также владел боевыми искусствами, о чем свидетельствует его участие в самоубийстве двоюродного брата, которому было двадцать четыре года. Дзётё взял на себя роль *кайсяку*, то есть, согласно ритуалу, отрубил голову сделавшему сэппуку родственнику. Он также сочинял хайку, и Мицусигэ отправил его в Киото, где Дзётё получил признание самого Санэнори Нисисандзё³¹, министра при императорском дворе, означавшее, что он постиг древние и современные приемы стихосложения. Дзётё многому научился у этого мастера.

Приняв монашество, Дзётё взял себе имя Дзётё Кёкудзан («Вечное утро» – «Рассветная гора») и поселился в хижине, названной им Тёёкэн («Дом утреннего светила»), вместе с Рёи, который, как и Таннэн, служил в свое время настоятелем храма Кодэндзи. Позднее хижина была переименована в Содзюан («Хижина долгой религиозной жизни»). В августе третьего года Сётоку³² (1713 г.) наложница правителя Мицусигэ госпожа Рэйдзюин была погребена в Куроцутибару, где жил Дзётё, и он в знак почтения к умершей перебрался в соседнюю деревню Касуга, в местечко Окогума.

Дзётё был также автором «Гукэнсю» («Собрание моих смиренных мыслей»), которое он закончил во втором месяце пятого года Хэй (1708 г.) в возрасте пятидесяти лет в назидание своему зятю Гоннодзё. У Дзётё также было две дочери: старшая умерла молодой, младшая

хайку.

²⁶ *Мондзаэмон Тикамацу* (наст. имя Нобумори Сугимори; 1653–1725) – первый классик японской драматургии, автор более чем 120 пьес разных жанров.

²⁷ *Сайкаку Ихара* (1642–1693) – знаменитый японский писатель (прозаик, поэт, драматург), основоположник нового направления в прозе, получившего название *укиёдзоси* («книги об изменчивом мире»).

²⁸ Такое название в японской историографии получило окончание боевых действий, которые сёгун Иэясу Токугава вел против клана Тоётоми. Эта война завершилась физическим истреблением Тоётоми после падения их последнего оплота – замка Осака в 1615 г. Следствием этой победы стало утверждение в Японии правления сёгунов Токугава, которое продолжалось вплоть до 1868 г.

²⁹ Период правления императора Го-Сая (1658–1661).

³⁰ *Иттэй Исиды* (1629–1694) – самурай княжества Сага, известный своими познаниями в конфуцианстве и буддизме.

³¹ *Санэнори Нисисандзё* – мастер классической поэзии. Представители семьи Нисисандзё на протяжении многих поколений были придворными поэтами и каллиграфами.

³² Период правления императора Накамикадо (1711–1716).

вышла замуж за человека, которого Дзётё принял в свою семью, но вышло так, что Дзётё пережил их обоих.

«Хагакурэ»: три философии

Как мне представляется, «Хагакурэ» как философский трактат имеет три основные характеристики. Первое – это философия действия, второе – философия любви и третье – философия жизни.

Если взять философию действия, то в «Хагакурэ» во главе угла всегда стоит субъект. Действие считается функцией субъекта, а смерть есть итог этого действия. Философия «Хагакурэ» предлагает некий стандарт действия, являющегося наиболее эффективным средством избавления от ограничений, которые накладывают на человека личные интересы, и дающего возможность погрузиться в нечто более важное, выходящее за рамки этих интересов. Соответственно «Хагакурэ» не имеет ничего общего с макиавеллизмом, в котором третье лицо сочетает элемент А и элемент В или манипулирует силой А и силой В. Философия Дзётё – не объективистская, а чисто субъективистская. Это философия действия, а не философия политики и государственного управления.

Во время войн «Хагакурэ» использовалась в целях идейно-политической обработки общества, поэтому есть еще люди, трактующие этот труд в политическом смысле, хотя ничего политического в нем нет. Отступив в сторону, можно, конечно, рассматривать кодекс бусидо как политический концепт, однако, как мне представляется, главный смысл «Хагакурэ» – показать человеку, поставленному в определенные условия, где ему искать основания для того, чтобы предпринять действие. Учение «Хагакурэ» универсально для любого времени, как бы ни менялись условия, и в то же время оно представляет собой образец практической философии, которая зиждется на знаниях, приобретенных на основе персонального практического опыта.

Второй философский срез «Хагакурэ» – философия любви. В японской традиции сложилось особое понятие, которое обозначают словом *рэн'ай* – романтическая любовь. В старой Японии была распространена любовь в понятии *кой*, а не любовь *ай*³³. На Западе еще во времена Древней Греции уже разделялись понятия «эрос» (любовь) и «агапэ» (божественная любовь). Эрос первоначально обозначал чувственное влечение, но постепенно приобрел более широкое значение и вошел в понятийный ряд философии Платона. Агапэ – это духовная любовь, полностью отделенная от плотских желаний, именно из агапэ позднее выросла концепция христианской любви.

В европейском понимании романтической любви агапэ и эрос всегда противопоставлялись друг другу. Преклонение перед женщиной в рыцарской среде во времена Средневековья имело в своей основе культ Девы Марии, но высшим идеалом рыцарской любви была агапэ, полностью свободная от эроса.

³³ Для лучшего понимания мысли автора, видимо, следует определить значение каждого из слов, употребляемых япон-

цами для обозначения понятия «любовь». *Ай* имеет более широкое значение, им обозначают любовь не только к

любимому человеку, но и к родине, природе, родителям и т. д., в то время как *кой* – это любовь к противополож-

ному полу с четко выраженным эротическим оттенком, страсть. *Рэн'ай* , как правило, выражает более возвышенные и благородные чувства, чем *кой*.

Можно сказать, что в Европе патриотизм в современном понимании тоже имеет в своей основе агапэ. Однако в Японии, если позволить себе выразиться резко, нет любви к своей стране. Нет любви к женщине. В духовном мире японцев между эросом и агапэ присутствует прямая связь. Когда любовь к женщине или юноше чиста и целомудренна, она ничем не отличается от преданности господину. Такой взгляд на любовь, в котором не проводится различие между эросом и агапэ, в конце периода Токугава стали называть «любовью к императорской семье», что заложило эмоциональный фундамент обожествления императора. Довоенная система императорской власти рухнула, но это не значит, что вместе с ней духовный мир японцев лишился представлений о подлинной любви. Эти представления базируются на твердом убеждении, что все исходящее из чистой подсознательной верности и преданности прямоком ведет человека к идеалам, к которым надо стремиться и во имя которых не жалко и умереть. На этом основана философия любви «Хагакурэ». Дзётё приводит пример любви мужчины к мужчине, которая в его времена считалась более возвышенной и духовной, чем любовь мужчины и женщины, и утверждает, что самые искренние, самые страстные проявления любви перерастают в преданность господину.

Наконец, в-третьих, философия жизни. Она не представлена в «Хагакурэ» в форме строгой логической системы. Первая и вторая книги, в которых изложены наставления Дзётё, изобилуют противоречиями. Подчас кажется, что одно изречение опровергает другое, переворачивает его вверх дном. За самой знаменитой строкой «Хагакурэ»: «Я постиг, что Путь воина – это смерть» – следует постулат, на первый взгляд ей противоречащий, а на самом деле подкрепляющий этот вывод:

«Жизнь человека – мгновение, и он должен жить, поступая так, как ему нравится. В мире, зыбком как сон, глупо мучиться, делая то, что неприятно. Такое мнение может быть неверно истолковано и может принести вред, поэтому я храню его в секрете от молодежи». То есть тезис «Я постиг, что Путь воина – это смерть» – это первая стадия, а принцип «Жизнь человека – мгновение, и он должен жить, поступая так, как ему нравится» – вторая стадия, которая как бы стоит за первым тезисом и одновременно выходит за его пределы. «Хагакурэ» со всей очевидностью предстает перед нами как философия жизни, в которой смерть и жизнь – две стороны одного щита.

Настаивая, что в ситуации «жить или умереть» надо выбирать немедленную смерть, Дзётё в то же время утверждает, что человек постоянно должен заглядывать на пятнадцать лет вперед. Умение предвидеть очень может пригодиться самураю на службе господину, и пятнадцать лет пролетят быстрее, чем сон, говорится в «Хагакурэ». Это тоже на первый взгляд выглядит как противоречие, но дело в том, что Дзётё относится ко времени с пренебрежением. Время может изменить человека, сделать его отступником и предателем, привести к краху и гибели или возвысить. Однако если мы будем исходить из того, что человек всегда стоит перед лицом смерти и что единственная истина – это истина того момента в жизни, который мы переживаем, то ход времени не заслуживает того уважения, с каким мы к нему относимся. Время не существенно, поэтому, пока человек проживает эти пятнадцать лет, думая, что каждый день может стать последним, он ежедневно, каждое мгновение что-то накапливает в себе, и эти приобретения позволяют лучше служить повелителю. В этом заключается фундаментальный принцип философии жизни, которому учит «Хагакурэ».

Далее хотелось бы изложить свой взгляд на содержащуюся в «Хагакурэ» суть философии жизни, такой живой и полной противоречий, в том порядке, как ее принципы изложены в трактате.

1. Хвала энергии

В «Неторопливой беседе в сумерках», которая открывает «Хагакурэ», сказано:

«...Я никогда не мечтал о том, чтобы достичь нирваны и состояния Будды. Я лишь желал бы возродиться семь раз как самурай клана Набэсима и всецело посвятить себя сохранению спокойствия в наших землях. Для этого не нужны особая энергия и ум. Достаточно силы духа, чтобы заявить о своей готовности нести на своих плечах бремя ответственности за весь клан. Если я такой же человек, как все, почему я должен кому-то уступать в служении своему господину? Учение, каково бы оно ни было, не принесет пользы, если человек не чувствует великой уверенности в себе. Каждый самурай должен верить, что ему по силам вынести груз ответственности за свой клан...»

Превознося, с одной стороны, добродетель скромности, «Хагакурэ» одновременно обращает внимание на то, что в соответствии с принципами существования энергии сила духа человека способна вершить большие дела. Энергии не может быть слишком много. Когда лев пускается в погоню за добычей, саванна под его лапами словно перестает существовать. Он может, сам того не заметив, преодолеть большое расстояние. Почему? Потому что он лев.

Дзётё обратил внимание на то, что похожий мощный источник энергии движет и человеком. Если ограничивать жизнь только добродетелью скромности, самурай, даже если он будет ежедневно тренировать себя, не сможет проявить в своих действиях решимость, которая позволила бы ему преодолеть рамки тренировок. Это подтверждает правильность принципа, что человек должен верить в свои силы, дабы нести ответственность за благополучие своего клана. Подобно древним грекам, Дзётё были знакомы очарование, волшебное сияние и ужас, внушаемые тем, что древние греки называли хюбрис³⁴.

---

³⁴ От др. – греч. ὑβρις – дерзость.

2. Решимость

«Я постиг, что Путь воина – это смерть. В ситуации „или-или“, когда стоит выбор между жизнью и смертью, быстро выбирай смерть. Доводов в пользу другого выбора не существует. Надо исполниться решимости и действовать. Некоторые считают, что умирать, не имея конкретной цели, не выполнив свою миссию до конца, бессмысленно. Это рассуждения в духе *камигата*³⁵. В ситуации „или-или“ невозможно предугадать, получится ли все так, как задумано, или нет.

Все люди хотят жить. Любой человек может найти логическое оправдание желанию остаться в живых. Но если он остался жив, не исполнив то, что хотел, значит он трус. Это сложный и рискованный момент. Если же человек умер, не добившись цели, кто-то может расценить это как бессмысленное помешательство. Но такая смерть не принесет бесчестья. Таков образ мыслей человека, избравшего для себя Путь воина. Надо каждое утро, каждый вечер готовить себя к наступлению смерти. Когда самурай готов умереть в любую минуту, он обретает свободу, которую дает Путь воина, и безупречно выполняет свой долг на протяжении всей жизни» (книга первая).

Когда самурай готов умереть в любую минуту, он приобретает свободу – вот философия, которую открывает перед нами «Хагакурэ». Если человек лелеет смерть в своем сердце, думая, что он готов умереть, когда придет время, он не может ошибиться в своих действиях. Как считает Дзётё, ошибка означает, что человек не умер в нужное время. Однако определить, когда настал такой момент, трудно. Возможность выбирать – умереть или жить – может представиться раз в жизни. Что чувствовал сам Дзётё, когда понял, что смерть, о которой он думал столько дней, достигнет его в постели, когда ему будет шестьдесят один год?

---

³⁵ *Камигата* – район Японии, исторически включавший города Киото и Осака с окрестностями. Это слово используется в «Хагакурэ» для обозначения манерности и бесхарактерности самураев, проживавших в крупных городах, и противопоставления им решительных и грубых воинов с юга, в частности из феодального владения Сага на северо-востоке о. Кюсю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.